



# Жизнеописание М. Булгакова в письмах и документах

---

В настоящий том включены дневники и письма Михаила Булгакова, а также наиболее важные документы, отражающие жизненный и творческий путь писателя. По сути, представленные материалы есть не что иное, как жизнеописание, составленное преимущественно самим Булгаковым. Разумеется, документы эти создавались для иных целей — каждый раз они фиксировали какую-то конкретную жизненную ситуацию, — но в совокупности, расположенные в хронологическом порядке, они отражают жизнь и творчество писателя наиболее объективно.

Конечно, не все эпистолярное наследие Булгакова собрано, не найдены пока записные книжки и часть дневников, далеко не все булгаковские материалы выявлены в недрах кремлевских архивов и учреждений бывшего политического сыска, наверняка немало интереснейших писем и других документов содержат пока недоступные для исследователей личные архивные фонды выдающихся деятелей культуры (речь прежде всего идет о знаменитых режиссерах, актерах и художниках МХАТа, Большого и Вахтанговского театров) и литературы (видимо, в ближайшем будущем читатели смогут познакомиться с письмами Булгакова и материалами о нем, хранящимися в архивных коллекциях Леонида Леонина, Алексея Толстого, Александра Фадеева). Не исключены яркие находки подлинных документов писателя в архивах газеты и издательства «Накануне». Не все булгаковские материалы сданы

в государственные архивы родственниками писателя... Перечень владельцев булгаковских рукописей достаточно велик (значительное число автографов писателя хранится, например, у коллекционеров — отечественных и зарубежных), но тем не менее с уверенностью можно утверждать, что основной массив эпистолярного наследия Булгакова уже выявлен и является вполне представительным.

Большая часть ранее неизвестных писем писателя была опубликована нами в книге: *Булгаков М. Письма. Жизнеописание в документах*. М., 1989. В последующие годы в печати появлялись отдельные находки из эпистолярного наследия писателя, многие из которых были весьма важными.

И в настоящее издание включены (помимо уже известных) ранее не публиковавшиеся письма, представляющие, на наш взгляд, немалый интерес (прежде всего речь идет о письмах Булгакова своему товарищу по работе в Художественном и Большом театрах Я. Л. Леонтьеву). В издание вошли также письма и другие документы, публиковавшиеся ранее в местной или ведомственной печати и не получившие широкой известности. Упомянем в связи с этим очень важное письмо Булгакова к Сталину от 10–11 июня 1934 г., которое в полном объеме (все варианты, хранящиеся в НИОР РГБ, РО ИРЛИ и архиве Сталина) публикуется впервые.

Материалы данного тома публикуются в сопровождении обширного историко-политического комментария, основанного на редких архивных и других источниках (назовем, например, газеты русского зарубежья 1920-х и 1930-х гг., в которых печатались материалы, касавшиеся непосредственно личности Булгакова: «Возрождение», «Дни», «Накануне», «Народная мысль», «Новая русская жизнь», «Новое время», «Общее дело», «Последние новости», «Руль», «Русь», «Сегодня» и др.), которые до настоящего времени недостаточно изучены современными исследователями. Кроме того, привлечен широкий круг недавно открытых материалов из архивов ГПУ и бывших правительственных учреждений, раскрывающих деятельность этих учреждений по нейтрализации творческой активности писателя, которая представлялась им политически крайне опасной.

Еще раз подчеркнем, что включенные в настоящее издание документы содержат колоссальную информацию о творческом и жизненном пути писателя, о его взглядах, интересах, сильных и слабых сторонах характера, о его отношении к происходившим событиям, к новому общественному строю в России, к своему народу и отдельным его слоям, к писательскому и театральному миру, к ближайшему окружению.

Следует отметить, что представленные материалы весьма разнообразны и их специфика чаще всего определяется временем и обстоятельствами жизни писателя. Так, его письма к родственникам 1917–1921 гг. из Вязьмы и Владикавказа помогают осветить очень важный этап вхождения Булгакова в жизнь, в гущу событий (врачебная практика в госпиталях и земских больницах), понять его отношение к свершившимся в России революциям, представить его участие в театральной и литературной жизни Владикавказа и ощутить его колебания в стремлении радикально решить свою судьбу (покинуть ли Россию или остаться?).

Ключом к пониманию многих жизненных и творческих установок писателя является его небольшой и далеко не полный дневник, в котором в основном фиксируются события 1923–1924 гг. Главная особенность дневника состоит в том, что он носит больше политический (само название говорит об этом — «Под пятой»), нежели литературный или семейный, характер. И если в 1923 г. записи несколько сдержанны и аккуратны, хотя общий отрицательный настрой к новой власти явно прослеживается, то в 1924 г. и особенно в начале 1925 г. Булгаков дал волю своим настроениям. И становится совершенно понятным появление именно в этот отрезок времени повестей «Роковые яйца» и «Собачье сердце»: писатель был убежден, что на чаше весов — судьба России, и он стремился в это колеблющееся время сделать все от него возможное, чтобы содействовать изменению политической физиономии страны.

Дневники Булгакова позволяют точно установить многие важные факты из его творческой биографии. Так, из дневниковых записей отчетливо видно, что писатель стал целенаправленно собирать материал для романа о дьяволе, получившего впоследствии название «Мастер и Маргарита», с начала 1925 г. (активно собирались публикации о богоборчестве и др.). Работа над «Собачь-

им сердцем», как видно из дневника, велась и в 1924 г., а в начале 1925 г. получила свое завершение. В дневнике даны очень ясные авторские оценки таким произведениям, как «Богема», «Записки на манжетах», «Псалом», «Дьяволиада», «Роковые яйца». Отражены и авторские колебания в оценке романа «Белая гвардия».

Впрочем, о дневниках писателя можно написать не одно исследование. Но не меньшее, а даже большее значение имеют его письма конца 1920-х гг. Мы не будем разбирать их подробно, но отметим лишь, что своими заявлениями и обращениями к правительству и Сталину Булгаков подводил итог важнейшему этапу в своей творческой жизни, посвященному России и ее трагической судьбе. С начала 1930-х гг. на первый план в творчестве писателя выдвигается иная тема, которая с потрясающей глубиной раскрывает трагедию личности — одаренной, свободолюбивой и честной — в условиях диктатуры. Писатель к тому времени уже ясно понимал, что в России «возвратной операции» не будет, а ему самому определена участь инакомыслящего узника.

Среди булгаковского эпистолярного наследия 1930-х гг. исключительную ценность представляют письма В. В. Вересаеву, часто выступавшему в отношении Булгакова в роли доброго покровителя и старшего друга, и П. С. Попову (своему товарищу и биографу). Эти письма не только в высшей степени содержательны, но зачастую представляют собой самостоятельные художественные миниатюры самой высокой пробы.

Несомненную ценность имеют и письма Булгакова Е. С. Булгаковой, посланные летом 1938 г. в Лебедянь. В них Булгаков приоткрыл завесу над тайнами романа «Мастер и Маргарита».

Почти все творчество художника автобиографично... И чем же тогда объяснить его горчайшее сожаление незадолго перед смертью по поводу того, что он не успел написать и оставить потомкам собственное жизнеописание?... Не тем ли, что за всю свою подневольную жизнь на родине ему не удалось высказать многое из того, что вмещала в себе его богатейшая, впечатлительная, гениальная натура...

*Виктор Лосев*  
(2001 г.)

Письма  
1914–1922

---

1914

---

*Н. А. БУЛГАКОВОЙ*

*3 апреля 1914 г.*

Дорогая Надя<sup>1</sup>,  
поздравляю тебя с праздником. Шлю тебе самые лучшие пожелания. Желая весело провести Пасху, очень жалею, что ты не в Киеве.

Целую. *Тася*<sup>2</sup>.

Милая Надя,  
и я поздравляю. Я все время провожу за книжкой. Экзаменов уже часть сдал и к маю, вероятно, перейду на 4-ый курс<sup>3</sup>.

А куда придется «муикнуть»<sup>4</sup> летом, еще не знаем.

Целую крепко. *М.*

Впервые: *Булгаков М.* Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. Печатается по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 21, л. 1).

<sup>1</sup> *Надя* — Надежда Афанасьевна Булгакова, в замужестве Земская (1893–1971) — сестра Михаила Афанасьевича, третья в семье. С 1912 г. жила в Москве, училась на филологическом факультете Высших женских курсов. Домой, в Киев, обычно приезжала на рождественские каникулы и летом.

<sup>2</sup> *Тася* — первая жена Михаила Афанасьевича — Татьяна Николаевна Булгакова (1892–1982), до замужества — Т. Н. Лаппа. Познакомился Булгаков с юной Татьяной Лаппа в 1910 г., когда она приехала из Саратова погостить к своей тетке в Киев. В апреле 1913 г. они повенчались. В последующие, очень трудные годы совместной жизни Татьяна Николаевна была верным и надежным другом и помощником Михаила Афанасьевича. Она стойко переносила все тяготы сложного времени, не раз выручала его из, казалось бы, безнадежных ситуаций.

<sup>3</sup> М. А. Булгаков учился в то время на медицинском факультете Киевского университета.

<sup>4</sup> В архиве М. А. Булгакова сохранилось пояснение Н. А. Земской к этому забавному выражению. «*Муикнуть*», — пишет она, — это шуточный семейный глагол, происшедший от слова «Муик» — это было имя, созданное младшей сестрой Еленой (Лелей), так она звала тетку, жившую в семье Булгаковых (ласкательно). Глагол был создан Мих. Аф. однажды, когда тетка уехала на время к своим родным, и прижился среди старших детей, употреблявших его в значении «уехать», «податься на сторону» (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 21, л. 1).



1915

---

*Н. А. БУЛГАКОВОЙ*

*20 марта 1915 г.*

Христос Воскресе!

Милая Надя,

поздравляем тебя с праздником, и оба (и я и Тася) целуем крепко. Напиши, как живешь и когда думаешь в Киев.

Твой *Михаил*.

Впервые: *Булгаков М. Письма. М., 1989. Печатается по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 21, л. 2).*

1917

---

*Н. А. ЗЕМСКОЙ*

*3 октября 1917 г.<sup>1</sup>*

Дорогая Надя,

вчера только из письма дяди я узнал, что ты в Москве, где готовишься к экзаменам. Я был уверен, что ты в Царском Селе<sup>2</sup>, и все хотел тебе писать, да не знал твоего адреса. Напиши, когда у тебя государственные?

Вообще обращаюсь к тебе с просьбой — пиши, если только у тебя есть время на это, почаще мне. Для меня письма близких в это время представляют большое утешение. Пожалуйста, напиши мне также адрес Вари. Из последнего письма мамы я знаю только одно, что Варя в Петрограде<sup>3</sup>. Я уже давно собираюсь написать ей, узнать, как она живет. От мамы я с начала сентября уже тоже не имею известий, т[ак] ч[то] не знаю, чем кончилась Колина история с поступлением в военное училище<sup>4</sup>; вероятно, он уже зачислен.

Мне на этих днях до зарезу нужно было бы побывать в Москве по своим делам, но я не могу бросить ни на минуту работу и поэтому обращаюсь к тебе с просьбой сделать в Москве кой-что, если тебя не затрудит.

1) Купи, пожалуйста, книгу Клопштока и Коварского «Практическ[ое] руководство по клиническ[ой] химии, микроскопии и бактериолог[ии]» (Издан[ие] «Сотрудник») и вышли ее мне.

Узнай, какие есть в Москве самые лучшие издания по кожным и венерическим на русск[ом] или немецк[ом] языках и сообщи мне, не покупай пока, цену и названия. Нет ли Lessner'a (Руководство по кожн[ым] и венерич[еским] на немецком языке)?

2) Напиши, если знаешь, почему мужские ботинки (хорошие) в Москве.

3) В Тверском отделен[ии] Московск[ого] городского ломбарда заложена золотая цепь под № Д 111491 (ссуда 70 руб., срок, включая льготн[ые] месяцы, был 6 сентября). Я послал своевременно переводом и в заказном проценты и билет в ломбард, прося билет вернуть по адресу дяди Коли<sup>5</sup>, после того как ломбард погасит проценты и сделает отметку. Однако до сих пор билет еще не вернулся. Тася страшно беспокоится об участии дорогой для нее вещи. Мне совестно беспокоить тебя во время подготовки, но, если найдешь время, наведи справку у заведующего Тверским отделени[ем] Московс[кого] ломбарда. Если абсолютно не имеешь времени, то хоть попытайся по телефону узнать, получил ли ломбард проценты, где билет и не продана ли цепь? Адрес Тверского отделения узнать легко.

Я думаю, что покупка книги не затруднит тебя. Вероятно, будешь в книжном магазине?

Если удастся, я через месяц приблизительно постараюсь заехать на два дня в Москву, по более важным делам. Напиши мне адрес Лили<sup>6</sup> и в Москве ли она?

Передай привет своему мужу, а прилагаемое письмо дяде Коле.

Тася и я целуем тебя крепко.

*Михаил.*

Вязьма. Городская Земская больница.

Впервые: Вопросы литературы. 1984. № 11. Печатается по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 21, л. 3–4).

<sup>1</sup> По окончании университета в апреле 1916 г. М. А. Булгаков, как и все его товарищи по выпуску, получил военное звание «ратник». Это звание давалось молодым врачам в целях их мобилизации для работы в тылу. Весну и лето 1916 г. М. А. Булгаков добровольно проработал в прифронтовых госпиталях в Каменец-Подольске и Черновцах. Осенью 1916 г. он был мобилизован и послан на работу в тыловые земские больницы: сначала в больницу Никольскую Сычевского уезда Смоленской губернии, а затем (с осени 1917 г.) в г. Вязьму — в Вяземскую городскую земскую больницу.

<sup>2</sup> Надежда Афанасьевна Булгакова летом 1917 г. вышла замуж за Андрея Михайловича Земского (1892–1946), выпускника филологического факультета Московского университета, мобилизованного в Киевское артиллерийское училище, по окончании которого он был направлен в Тяжелый артиллерийский дивизион в Царское Село. С ним поехала и Надежда Афанасьевна. Осенью 1917 г. она возвратилась в Москву, чтобы сдать государственные экзамены. Сдав их, вернулась к мужу в Царское Село, где их и застала Октябрьская революция.

В дальнейшем имя Андрея Михайловича Земского часто упоминается в письмах.

<sup>3</sup> *Варя* — Варвара Афанасьевна Булгакова (1895–1956), сестра М. А. Булгакова, весной 1917 г. вышла замуж за кадрового офицера капитана Леонида Сергеевича Карума. С осени 1917 г. Варвара Афанасьевна в Петрограде, куда был командирован ее муж. Затем они переезжают в Москву, а оттуда, в мае 1918 г., — в Киев.

<sup>4</sup> О «Колиной истории» Н. А. Земская в своих комментариях к письмам М. А. Булгакова пишет так: «После отъезда из Киева Михаила, Надежды и Варвары мать — Варвара Михайловна остается в Киеве с четырьмя детьми: Верой Афанасьевной (1892–1973), второй в семье, и тремя младшими: окончившим весной 1917 года гимназию Колей (1898–1966), гимназистом Ваней (1900–1968) и гимназисткой Лелей (1902–1954).

Коля поступает в Киевское военное инженерное училище; когда училище было расформировано, он поступает в Киевский университет на медицинский факультет».

<sup>5</sup> *Дядя Коля* — брат матери — Николай Михайлович Покровский, врач-гинеколог, у которого часто жили во время приезда в Москву киевские Булгаковы.

<sup>6</sup> *Лиля* — двоюродная сестра М. А. Булгакова — Илария Михайловна Булгакова (1891–1980). Училась в предреволюционные годы на филологическом факультете Киевских высших женских курсов, жила у Булгаковых и была дружна с ними.

Т. Н. БУЛГАКОВА — Н. А. ЗЕМСКОЙ

30 октября 1917 г.

Милая Надюша,  
напиши, пожалуйста, немедленно, что делается в Москве. Мы живем в полной неизвестности, вот уже четыре дня ниоткуда не получаем никаких известий.

Очень беспокоимся, и состояние ужасное.

Как ты и дядя Коля себя чувствуете?

Жду от тебя известий. Привет дяде Коле.

Целуем тебя крепко. Твоя Тася<sup>1</sup>.

Впервые: *Булгаков М.* Письма. М., 1989. Печатается по автографу (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 21, л. 5).

<sup>1</sup> Это письмо уже не застало Н. А. Булгакову-Земскую в Москве, она к тому времени вернулась к мужу в Царское Село. В Москву, в квартиру Н. М. Покровского, в это время уже приехала из Петрограда сестра — Варвара Афанасьевна. Она и отправила письмо в Царское Село.

Н. А. ЗЕМСКОЙ

31 декабря 1917 г.

Дорогая Надя,

поздравляю тебя с Новым годом и желаю от души, чтоб этот новый год не был бы похож на старый. Тася просит передать тебе привет и поцелуй. Андрею Михайловичу наш привет.

Ты не пишешь мне и адреса своего не дала, из чего я заключил, что ты переписываться со мной не хочешь. Адрес твой я пытался узнать, будучи в Москве, у Лили. Лиля подняла глаза к небу и сказала: «Царское Село, квартира 13!» На мой робкий вопрос об улице и доме Лиля гордо ответила, что она этого не помнит. Нормальный адрес я узнал у дяди Коли.

Я в отчаянии, что из Киева нет известий. А еще в большем отчаянии я оттого, что не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2000 р. ухнут в море русской револю-

ции. Ах, как пригодились бы мне эти две тысячи! Но не буду себя излишне расстраивать и вспоминать о них!..

Что касается дяди Коли, то его, вероятно, тоже ждет хорошая штука: с захватом банков его в награду за его каторжно-трудовую жизнь ждет, вероятно, потеря всего, что он имеет.

В начале декабря я ездил в Москву по своим делам<sup>1</sup> и с чем приехал, с тем и уехал. И вновь тяну лямку в Вязьме, вновь работаю в ненавистной мне атмосфере среди ненавистных людей. Мое окружающее настолько мне противно, что я живу в полном одиночестве. Зато у меня есть широкое поле для размышлений. И я размышляю. Единственным моим утешением является для меня работа и чтение по вечерам. Я с умилением читаю старых авторов (что попадет, т. к. книг здесь мало) и упиваюсь картинами старого времени. Ах, отчего я опоздал родиться! Отчего я не родился сто лет назад. Но, конечно, это исправить невозможно! Мучительно тянет меня вон отсюда, в Москву или в Киев, туда, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь. В особенности мне хотелось бы быть в Киеве! Через два часа придет Новый год. Что принесет мне он? Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино...

Придет ли старое время?

Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!

Недавно в поездке в Москву и Саратов<sup>2</sup> мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Тупые и зверские лица... Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло.

Идет Новый год. Целую тебя крепко.

Твой брат *Михаил*.

Р. С. Буду ждать письма.

Впервые с купюрами: Вопросы литературы. 1984. № 11. Печатается по автографу (семейный архив Е. А. Земской).

<sup>1</sup> По свидетельству Н. А. Земской, М. А. Булгаков ездил в начале декабря 1917 г. в Москву с целью получить освобождение от военной службы по болезни (истощение нервной системы). Однако в этот раз он не был демобилизован. Пришлось вернуться снова в Вязьму и оставаться «против воли там, в глуши, без связи с Киевом, без связи с семьей, по которой Михаил Афанасьевич всегда сильно тосковал, переживая мучительную тревогу за мать и младших братьев и сестер, не зная, что творится в Киеве».

В феврале 1918 г. он снова ездил в Москву на переосвидетельствование и был демобилизован по состоянию здоровья. Вернувшись в Вязьму, он немедленно оставил работу там и через Москву уехал вместе с женой в Киев к матери.

<sup>2</sup> По пути в Москву в декабре 1917 г. М. А. Булгаков проехал дальше на восток, в Саратов, родной город жены, чтобы повидаться с ее семьей и выполнить ее поручения к отцу и матери. Поездка была крайне трудной: транспорт был разрушен, с фронта хлынули толпы солдат, поезда осаждались массами пассажиров. Виденное им затем нашло отражение в романе «Белая гвардия» и в других произведениях.

# 1921

---

*К. П. БУЛГАКОВУ<sup>1</sup>*

*1 февраля 1921 г.*

Дорогой Костя,

вчера я был очень обрадован твоим письмом. Наконец-то я имею весть о своих. Твое письмо помечено: «18-го янв. 1920 г.» (?). Конечно, это ошибка. Не могу тебе выразить, насколько я был счастлив и удивлен, что наши все живы и здоровы и, по-видимому, все вместе.

(Проклятые чернила!)<sup>2</sup> Единственно, о чем я жалел, это что твое письмо слишком кратко. Несколько раз я его перечитывал...

Ты спрашиваешь, как я поживаю. Хорошенькое слово. Именно я поживаю, а не живу...

Мы расстались с тобой приблизительно год назад. Весной я заболел возвратным тифом, и он приковал меня... Чуть не издох, потом летом опять хворал<sup>3</sup>.

Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах. Это лето я все время выступал с эстрады с рассказами и лекциями. Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как, 4-х актная драма «Братья Турбины». Бог мой, чего



я еще не делал: читал и читаю лекции по истории литературы (в Университ[ете] народа и драмат[ургической] студии), читаю вступительные слова и проч., проч.

«Турбины» четыре раза за месяц шли с треском успеха. Это было причиной крупной глупости, которую я сделал: послал их в Москву... Как раз вчера получил о них известие. Конечно, «Турбины» забракуют, а «Самооборону» даже кто-то признал совершенно излишней к постановке. Это мне крупный и вполне заслуженный урок: не посылай неотделанных вещей!

Жизнь моя — мое страдание. Ах, Костя, ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда «Турбины» шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать — писать.

В театре орали «Автора» и хлопали, хлопали... Когда меня вызвали после 2-го акта, я выходил со смутным чувством... Смутно глядел на загримированные лица актеров, на гремящий зал. И думал: «А ведь это моя мечта исполнилась... но как уродливо: вместо московской сцены — сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь».

Судьба — насмешница.

Потом кроме рассказов, которые негде печатать, я написал комедию-буфф «Глиняные женихи». Ее, конечно, не взяли в репертуар, но предлагают мне ставить в один из свободных дней. И опять: дня этого нет, все занято. Наконец на днях снял с пишущей машинки «Парижских коммунаров» в 3-х актах. Послезавтра читаю ее комиссии. Здесь она несомненно пойдет. Но дело в том, что я послал ее на всероссийский конкурс в Москву. Уверен, что она не попадет к сроку, уверен, что она провалится. И опять поделом. Я писал ее 10 дней. Рвань все: и «Турбины», и «Женихи», и эта пьеса. Все делаю наспех. Все. В душе моей печаль.

Но я стиснул зубы и работаю днями и ночами. Эх, если б было где печатать!

Дорогой Костя, не откажи исполнить следующее.

В средних числах февраля (15–20–25-го) зайди на Неглинную улицу, д. № 9, Тео<sup>4</sup>. Репертуарная секция Бюро жюри конкурса пьес о Парижской коммуне. Справься, получена ли 3-х актная пьеса «Парижские коммунары» под девизом «Свободному богу искусства» (пьесы идут на конкурс под девизом, с фамилиями, запечатанными в конверт, т[ак] ч[то] фамилию называть не нужно). 25-го/II объявление результатов. Если она провалилась (в чем не сомневаюсь), постарайся получить ее обратно и сохрани. Если она не получена, узнай, не продлен ли срок присылки.

Проклятая «Самооборона» и «Турбины» лежат сейчас в том же «Тео», о них я прямо и справляться боюсь. Кто-то там с маху нашел, что «Самооборона» «вредная»...<sup>\*</sup> Отзыв этот, конечно, ерундовый, но неприятный, жаль, что я ее, «вредную» «Самооборону», туда послал.

Если б ты о них навел справку и забрал бы и «Турбиных» и «Сам[ооборону]», обязал бы меня очень.

Справку о них нужно навести у Босалыги<sup>5</sup> (заведующ[ий] Цут<sup>6</sup> Тео) или у Мейерхольда<sup>7</sup>. Сделай умненько...

---

Эти пьесы («Сам[ооборону]» и «Турб[иных]») привез в Москву Давид Ааронович Черномордик, заведующий отделом искусств здесь. Наведи справку и забери их.

И так я поживаю.

За письменным столом, заваленным рукописями... Ночью иногда перечитываю свои раньше напечатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы?

Я упорно работаю.

Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь. Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое.

Поживаю за кулисами, все актеры мне знакомые друзья и приятели, черт бы их всех взял!

Тася служила на сцене выходной актрисой. Сейчас их труппу расформировали, и она без дела.

Я живу в скверной комнате на Слепцовской улице, д. № 9, кв. 2. Жил в хорошей, имел письменный стол, теперь не имею и пишу при керосиновой лампе.

Как одет, что ем... не стоит писать...

Что дальше?

Уеду из Владикавказа весной или летом.

Куда?

Маловероятно, но возможно, что летом буду проездом в Москве.

Стремлюсь далеко...<sup>8</sup>

Жду твоего письма с нетерпением. Напиши подробно. Где и как живешь. Узнай у дяди Коли, целы ли мои вещи. Кстати, напиши, жив ли Таськин браслет? Скажи дяде Коле, что и я и Тася часто вспоминаем его тепло, интересуемся, как он живет. Если он спросит<sup>9</sup> [...] его не могу.

На случай, если придется менять квартиру, посылаю такой адрес:

Владикавказ Почта до востребования Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

По этому адресу, без изменений в нем.

Целую тебя.

*Михаил.*

Р. С. Как образчик своей славной и замечательной деятельности прилагаю одну из бесчисленных моих афиш. На память, на случай, если не встретимся.

Жду письма. (Тео! Зайди!)

\* и что ее нужно снять с репертуара!.. (отзыв скверный, хотя исходит единолично от какой-то второстепенной величины). (*Примеч. М. Булгакова.*)

Впервые: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 5. Печатается по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 10, л. 1–2).

<sup>1</sup> *Константин Петрович Булгаков* (1892–?) — двоюродный брат М. А. Булгакова.

<sup>2</sup> В примечаниях к данному письму Н. А. Земская отмечает: «Письмо... написано красными водянистыми чернилами».

<sup>3</sup> Об этом периоде жизни Булгакова мы читаем в дневнике известного советского писателя Ю. Л. Слезкина (1885–1947): «С Мишей Булгаковым я знаком с зимы 1920 г. Встретились мы во Владикавказе при белых. Он был военным врачом и сотрудничал в газете в качестве корреспондента. Когда я заболел сыпным тифом, его привели ко мне в качестве доктора. Он долго не мог определить моего заболевания, а когда узнал, что у меня тиф — испугался до того, что боялся подойти близко, и сказал, что не уверен в себе... позвали другого».

По выздоровлении я узнал, что Булгаков болен паратифом. Тотчас же, еще едва держась на ногах, пошел к нему с тем, чтобы ободрить его и что-нибудь придумать на будущее. Все это описано у Булгакова в его „Записках на манжетах“. Белые ушли — организовался ревком, мне поручили заведывание подотделом искусств, Булгаков я пригласил в качестве зав. литературной секцией. Там же, во Владикавказе, он поставил при моем содействии свои пьесы „Самооборона“ — в одном акте, „Братья Турбины“ — бледный намек на теперешние „Дни Турбиных“. Действие происходит в революционные дни 1905 г. — в семье Турбиных — один из братьев был эфироманом, другой революционером. Все это звучало весьма слабо. Я, помнится, говорил к этой пьесе вступительное слово.

По приезду в Москву мы опять встретились с Булгаковым как старые приятели, хотя в последнее время во Владикавказе между нами пробежала черная кошка (Булгаков переметнулся на сторону сильнейшую)» (ОР РГБ, ф. 801, к. 1, ед. хр. 2).

<sup>4</sup> Театральный отдел Наркомпроса.

<sup>5</sup> *Бассалыго Дмитрий Николаевич* (1884–1969) — деятель театра и кино, в то время — заместитель председателя художественного совета Мастерской коммунистической драматургии («Масткомдрам»).

<sup>6</sup> ЦУТ — Центральное управление театрами, было создано 26 августа 1919 г.

<sup>7</sup> В. Э. Мейерхольд был в те годы заведующим Тео.

<sup>8</sup> Обрыв текста, вырезано несколько строк. М. А. Булгаков намекает на возможность отъезда за границу.

<sup>9</sup> Оборот листа, где было вырезано несколько строк.

К. П. БУЛГАКОВУ

16 февраля 1921 г.

Дорогой Костя,

я послал тебе недавно заказное письмо.

Будь добр, узнай на Неглинной, № 9, в репертуарной секции Тео в бюро конкурсов пьес о Парижской коммуне, дошла ли туда пьеса в 3-х актах «Парижские коммунары», посланная ценным пакетом, под девизом «Свободному богу искусства», и какая судьба ее постигла. Я тщетно пишу в Киев и никакого ответа не получаю. Прошу тебя (может, из Москвы лучше сообще-ние), напиши моей маме<sup>1</sup> следующее (кстати, ее адреса нового я не знаю, пишу на Андреевский спуск)<sup>2</sup>.

У меня в № 13<sup>3</sup> в письменном столе остались две важных для меня рукописи: «Наброски земского врача» и «Недуг»<sup>4</sup> (набросок) и целиком на машинке «Первый цвет». Все эти три вещи для меня очень важны. Попроси их, если только, конечно, цел мой письменный стол, их сохранить. Сейчас я пишу большой роман по канве «Недуга». Если пропали рукописи, то хоть, может быть, можно узнать, когда и кто их взял.

Еще прошу тебя, узнай, пожалуйста, срочно сообщи, есть ли в Москве частные издательства и их адреса.

Сообщи мне, целы ли мои вещи и Т[асин] браслет.

Во Влад[икавказе] я попал в положение «ни взад ни вперед». Мои скитания далеко не кончены. Весной я должен ехать: или в Москву (м[ожет] б[ыть], очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь. Сообщи мне, есть ли у тебя возможность мне перебыть немного, если мне придется побывать в Москве.

Адрес: Владикавказ Почта до востребования М. А. Булгакову или Владикавказ Областной подотдел искусств Мих. Аф. Булгакову (без изменений и дополнений).

Твой Михаил.

Впервые: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 5. Печатается по машинописной копии (ОР РГБ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 10, л. 3).

<sup>1</sup> Варвара Михайловна Булгакова, до замужества — Покровская (1869–1922).

<sup>2</sup> В те годы Варвара Михайловна проживала со своим вторым мужем по адресу: Киев, Андреевский спуск, д. 38, кв. 1.

<sup>3</sup> Имеется в виду старый адрес Булгаковых: Киев, Андреевский спуск, д. 13, где М. А. Булгаков жил с перерывами с 1907 по 1921 г.

<sup>4</sup> Скорее всего, речь идет о повести «Морфий».

*Н. А. ЗЕМСКОЙ*

*[Апрель 1921 г.]<sup>1</sup>*

На случай, если я уеду далеко и надолго, прошу тебя о следующем: в Киеве у меня остались кой-какие рукописи — «Первый цвет», «Зеленый змей», а в особенности важный для меня черновик «Недуг». Я просил маму в письме сохранить их. Я полагаю, что ты оседешь в Москве прочно. Выпиши из Киева эти рукописи, сосредоточь их в своих руках и вместе с «Сам.»<sup>2</sup> и «Турб.»<sup>3</sup> в печку.

Убедительно прошу об этом.

---

Колеблюсь, стоит ли соваться с программой «Турбиных» в Союз.

С одной стороны, они шли с боем четыре раза, а с другой стороны — слабовато. Это не драма, а эпизод. Забери их из «Маски» и прочти. На твой вкус. А с «Парижск[ими]»<sup>4</sup> так: если отыщутся, дай на отзыв. Поставят — прекрасно. Нет? — в печку<sup>5</sup>.

В случае каких-либо перемен, если будешь чувствовать, что они не ко времени (понимаешь?), забери их из «Маски» немедленно.

---

Тася со мной. Она служит на выходах в 1-м Советском Владикавк[азском] театре, учится балету.

## Содержание

---

<i>В. И. Лосев. Жизнеописание М. Булгакова в письмах и документах</i> .....	5
ПИСЬМА. 1914–1922 .....	9
ПОД ПЯТОЙ. ДНЕВНИК	
Отрывки из дневника за 1922 год .....	65
Мой дневник. 1923–1925 .....	68
Комментарии .....	113
ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ. 1923–1940 .....	161
Указатель имен .....	769